

Рудольф Штейнер - ПУТЬ ДОСТИЖЕНИЯ

Текст взят из книги Штейнера "Теософия"

Могут сказать: что пользы говорить людям о вещах, для которых они еще не пробуждены? Но это суждение неверно. Нужны известные способности для того, чтобы найти те вещи, о которых идет речь, но когда их, после того, как они уже найдены, сообщают, понять их может каждый человек с непредвзятой логикой и здоровым чувством истины. Описания рисуют мысленную картину высшего опыта. И в известном отношении они являются первым шагом к самостоятельному созерцанию. Ибо человек есть мыслесущество, и он может найти свой путь лишь исходя из мышления. Когда его уму дается картина высшего опыта, она не остается для него бесплодной, даже если вначале это лишь как бы повествование о высших фактах, созерцание которых ему недоступно. Мысль — живая сила. Она действует как зародыш, рождающий из себя плод познания, будит дремлющие его зачатки. Кто, пренебрегая работой мышления, захотел бы для целей высшего познания обратиться к иным силам человека, тот упустил бы из виду, что именно мышление есть высшая из способностей человека в чувственном мире.

Итак, тому, кто спрашивает: как приобрету я сам познание высших истин? надо ответить: прежде всего обучайся из сообщений других об этом познании. И дело здесь не в слепой вере или неверии, а в *беспристрастном* принятии того, что слышат.

Учитель подходит к ученику с требованием: не верить ты должен тому, что я говорю тебе, а *мыслить* это, сделать это содержанием твоего мысленного мира; тогда мои мысли уже сами будут действовать в тебе так, что ты познаешь их в их истине. Учитель дает толчок, сила же познания правды поднимается из собственной глубины воспринимающего.

Уже в сказанном намечается первое свойство, которое должен развить в себе тот, кто хочет лично созерцать высшие факты. Это беззаветная, *непредвзятая отдача* тому, что раскрывают люди, или находящийся вне человека мир. Тот, кто к какому-либо явлению

жизни и мира подходит с суждением, взятым из своего прошлого опыта, замыкает себя таким суждением от спокойного всестороннего влияния, которое оказало бы на него это явление. Ученик должен быть готов в каждый миг стать совершенно опорожненным сосудом, в который вливается чуждый, неведомый мир. Мгновениями познания являются лишь те мгновения, когда молчит всякое суждение, всякая исходящая от нас критика. Для этой отдачи откровениям чуждого мира нужна полная внутренняя самоотрешенность. Ученик должен упражняться в том, чтобы уметь в любой миг погасить себя, со всеми своими предубеждениями. Можно сознательно воспитывать в себе эту способность. Например, отказаться от всякого суждения об окружающих людях. Гасят в себе мерило привлекательного, отталкивающего, глупого и умного, которое привыкли прилагать, и пытаются без этого масштаба понимать людей только из них самих. Лучшие упражнения можно производить с людьми, к которым чувствуешь отвращение. Пытаются насильно побороть это отвращение и предоставить непредвзято влиять на себя тому, что они делают, или находясь в обстановке, вызывающей то или иное суждение, преодолевают его и непосредственно предаются впечатлениям. Надо предоставить вещам и событиям больше говорить о себе, чем самому говорить о них. И надо распространить это даже и на свой мир мысли: преодолевать в себе то, что образует ту или иную мысль, и предоставить образовывать мысли только тому, что вовне. Тот, кто не придает значения этим упражнениям, ничего не знает об их ценности. Отдача и непредвзятость — истинные источники силы.

Благодаря этому упражнению человек становится способен к восприятию того, что его окружает. Но к этой способности восприятия должна еще присоединиться верная оценка. Пока человек еще склонен переоценивать себя в ущерб окружающему миру, до тех пор он заграждает себе доступ к высшему познанию. Тот, кто к каждой вещи или событию относится с точки зрения той радости или печали, какие они доставляют ему, тот предается такой переоценке самого себя. Ибо из *своей* радости или печали он ничего не узнает о вещах, а лишь нечто о себе самом. Когда я, например, чувствую симпатию к человеку, то, прежде всего, я

чувствую лишь *мое* отношение к нему. Если я в своем суждении и отношении нахожусь в зависимости исключительно от этого чувства радости и симпатии, тем самым я выдвигаю на первый план свою личную природу, навязываю ее миру. Я хочу, будучи таким, каков я есть, включить в себя мир, а не принять его, свободно предоставляя ему жить сообразно с действующими в нем силами. Иначе говоря, я терпим лишь к тому, что соответствует моей личной природе, а все остальное отвергаю. Ученик должен развивать в себе способность отношения к людям и вещам сообразно их ценности и значению. Симпатия и антипатия, радость и печаль должны получить совсем новые роли. Человек не должен искоренить их в себе или стать к ним глухим. Наоборот, чем больше разовьет он в себе способность не сразу отвечать суждением или поступком на всякую симпатию или антипатию, тем большую он разовьет в себе чувствительность. Он узнает, что в нем пробуждаются симпатии и антипатии высшего рода, когда он обуздывает те, которые уже есть в нем. Каждая склонность, которой следуют слепо, мешает видеть окружающие вещи в верном свете. Следуя склонности, мы как бы врываемся в окружающее нас, вместо того, чтобы предоставить себя ему и почувствовать его в его ценности.

И когда на каждую радость или горе, симпатию и антипатию человек не будет более давать своего эгоистического ответа, не будет относиться к ним эгоистически, он станет независимым также и от сменяющихся впечатлений внешнего мира. То наслаждение, которое мы получаем от вещи, ставит нас тотчас в зависимость от нее. В вещи теряют себя. Человек, который сообразно сменяющимся впечатлениям теряет себя в радости или горе, не может идти путем высшего познания. Со спокойствием должен он принимать радость и горе. Тогда он перестанет терять себя в них и начнет их понимать. Радость, которой я отдаюсь, поглощает мое бытие в миг отдачи. Но я должен использовать радость лишь для того, чтобы идти через нее к пониманию вещи, доставившей мне радость: я должен познать радость, и через радость — сущность вещи. Для меня радость должна служить лишь возвещением о том, что в этой вещи кроется свойство, способное доставить радость. Это свойство должен я научиться познавать. Для ученика наслаждение и страдание должны

быть *поводом* к тому, чтобы учиться у вещей. От этого он не становится глухим к радости или горю, но возвышается над ними, дабы они раскрыли ему природу вещей. Он будет чувствовать вместе с каждым существом и благодаря этому воспринимать откровение его внутреннего. Исследующий никогда не говорит о себе только: о, как я страдаю или радуюсь, но всегда: как говорит страдание, как говорит радость. Благодаря этому в нем происходит полное изменение. Раньше на впечатления он отвечал тем или иным поступком потому, что они его радовали или печалили. Теперь радость и горе из простых ощущений превращаются в органы чувств, посредством которых воспринимается окружающий мир. Подобно тому как глаз, когда он что-то видит, не действует сам, а заставляет действовать руку, так радость и горе не действуют сами в исследующем, но воспринимают впечатления, а причиной поступка становится то, что мы узнаем через них. Радость и горе превращаются в очи души, когда они перестают быть чем-то самодовлеющим и начинают раскрывать нашей душе чужую душу.

Благодаря указанным свойствам, ищущий может предоставить себя воздействию того, что действительно существует в окружающем его мире, помимо препятствующих этому влияний своей личности. Но и себя самого он должен поставить на надлежащее место в окружающем его духовном мире. Ведь, как существо мыслящее, он является гражданином духовного мира, но он может стать им вполне лишь тогда, когда придаст своим мыслям направление, которое отвечает вечным законам истины. Человек не достигнет истины, пока предается мыслям, постоянно проходящим через его "я". Ибо тогда эти мысли принимают течение, к которому вынуждены в результате того, что возникают в пределах телесной природы. До тех пор, пока человек посвящает себя исключительно задачам чувственной жизни, его спутанное течение мыслей всякий раз направляется на верный путь фактами действительности, постоянно вносящими поправки в мышление. Например, когда механик входит в мастерскую, в голове у него может царить хаос, но законы его машин заставят его действовать надлежащим образом. Если я составлю ложное представление о каком-либо физическом явлении, например, о виде какого-то растения, действительность выступает против меня и

исправляет мое мышление. Совсем иное, когда я рассматриваю свое отношение к высшим областям бытия. Они раскрываются мне лишь в том случае, если я вступаю в их миры уже со строго упорядоченным мышлением, которое должно дать верную точку опоры. Ибо законы этих миров не уплотнились еще до чувственно-физического плана, и посему не производят вышеуказанного действия и давления. Я могу следовать этим законам лишь в том случае, если они родственны моим собственным, как мыслящего существа. Здесь я сам должен быть себе верным руководителем. Понемногу мысли должны совсем отвыкнуть следовать обыденному направлению и во всем своем течении принять внутренний характер духовного мира. Как в математике с ее строгими законами, которые не следуют течению обыденных явлений, ученик должен, если он хочет продвинуться вперед, отрешиться от всякого личного произвола, всякого нарушения. Тогда в него начинают вливаться закономерности духовного мира, бесследно проходившие мимо и через него, пока мышление его носило обыденный, беспорядочный характер. Упорядоченное же мышление, которое исходит из верных отправных точек, приводит его к самым сокровенным истинам.

И того же, чего ищущий добивается для своего мышления, он должен добиваться и для своих поступков. В обыденной жизни люди в своих поступках руководствуются тем, что *их лично* удовлетворяет и приносит *им* плоды. Благодаря этому они навязывают направление своей личности течению мировых явлений. Они не осуществляют правды, предначертанной законами мира; они осуществляют требования своего произвола. Ищущий путь не должен спрашивать: что принесет мне пользу, чем достигну я успеха, а только: что признаю я благом? Отречение личности от плодов действия, отречение от всякого произвола — вот те строгие законы, которые он должен предписать себе; и тогда он вступит на путь духовного мира, освободившись от всякого давления со стороны мира чувственного. Нельзя говорить: что пользы мне в намерении всецело следовать законам истины, если я может быть заблуждаюсь относительно этой истины? Все дело в стремлении: даже тот, кто заблуждается, в своем стремлении к истине обладает силой, уводящей его от неверного пути. Мысль "я вполне могу ошибаться"

является разрушительным неверием. Она показывает, что человек не имеет доверия к силе истины. Ведь дело именно в том, чтобы он не вздумал ставить себе цели со своей эгоистической точки зрения, но бескорыстно отдавал себя и предоставлял духу определять свое направление. Себялюбивая человеческая воля не может давать предписания истине, наоборот, сама эта истина должна проникнуть все его существо, сделать его отображением вечных законов. Благодаря этому он поднимается с одной ступени на другую. Ибо нельзя достичь духовной жизни посредством одного лишь созерцания; ее надо достичь путем переживания ее.

Если ищущий путь соблюдает описанные законы, его душевные переживания примут совершенно новый облик. Он не будет жить только в них. Они не будут больше иметь значения для его собственной жизни, а реализуются в душевные восприятия высшего мира. Подобно тому как глаз ничего не желает для себя, но лишь указывает человеку направление движения, радость и горе поведут его верным путем. Это и есть состояние душевного равновесия, к которому должен прийти ищущий Путь. Чем меньше радость и горе исчерпываются в волнах, которые они вздымают во внутренней жизни ищущего, тем успешнее они будут служить глазами для сверхчувственного мира. Пока человек живет в радости и страдании, до тех пор он не познает через них.

До тех пор, пока живут в мире лично, вещи открывают лишь то, что связывает их с нашей личностью. Но это — их преходящее. Если сами мы удаляемся от своего преходящего и нашим самочувствием, нашим "я", живем в нашем пребывающем, тогда наши преходящие части становятся посредниками; и то, что раскрывается через них, есть непреходящее, вечное в вещах. Это соотношение между *его* вечным и вечным в вещах должно быть твердо установлено ищущим Путь. Еще прежде, чем приступить к другим упражнениям, вроде указанных, и во время их он должен устремлять свой взгляд на это непреходящее, должен спрашивать себя: что живет как пребывающее, вечное, в преходящем камне, в преходящем человеке? Что переживает преходящее чувственное явление? Не надо думать, что подобное направление духа к вечному уничтожает в нас преданное рассмотрение, отношение и понимание качеств

повседневности, отчуждает от непосредственной действительности. Напротив, каждый проблеск, оттенок цвета, каждый звук станут живыми и воспринимаемыми для чувств, ничто не утратится, но к этому еще присоединится бесконечность. Кто не умеет наблюдать глазом самого ничтожного, тот придет лишь к бледным мыслям, а не к духовному видению.

Все зависит от того образа мыслей, который мы усваиваем в этом направлении. Как далеко мы в нем уйдем, зависит от наших способностей. В каждый миг мы должны совершать правое, а все остальное предоставить будущему. Мы должны ждать, пока вам не будет дано, — в свое время дается каждому, кто терпеливо ждет и работает. Скоро и ты заметишь, насколько огромно превращение, произошедшее в тебе. Научись определять большую или меньшую важность вещи соответственно тому, каким познал отношение этой вещи к пребывающему, вечному. Ты придешь к иной оценке и почитанию мира, чем раньше. Преходящее уже не будет привлекать тебя ради себя самого, как это было раньше, но станет членом и символом вечного; и ты научишься любить это вечное, живущее во всех вещах. Оно станет близко тебе, как раньше было близко преходящее, и благодаря этому ты не отчуждаешься от жизни, а лишь научишься оценивать вещь сообразно ее действительному значению. Даже суетная мелочь не пройдет бесследно мимо, но ты уже более не теряешься в ней, а познаешь ее в ее ограниченной ценности, видишь ее в ее истинном свете. Тот, кто захотел бы лишь странствовать в заоблачных высотах, и потратил на это всю жизнь, был бы очень плохим познающим. Истинно познающий, благодаря ясному кругозору и правильному ощущению всего, сумеет поставить на свое место каждую вещь.

Таким образом, для ищущего открывается возможность не следовать более за теми неопределенными влияниями чувственного мира, какие направляют его желания в ту или иную сторону. Благодаря познанию он узрел в вещах вечную сущность. Когда теперь он действует сам из себя, он в то же время действует, исходя из вечной сущности вещей, действует в духе вечного мирового порядка. Благодаря этому он уже не управляется вещами; он сам управляет ими сообразно заложенным в них законам, которые стали

законами его собственного существа. Эта деятельность изнутри может быть лишь идеалом, к которому стремятся, достижение цели лежит в бесконечной дали. И это стремление идущего по пути и есть *воля к свободе*. Ибо свобода есть деятельность, исходящая из самой себя. А из себя действует лишь тот, кто побуждения к действию черпает из вечного порядка. Не делаящий этого поступает по побуждениям, отличающимся от заложенных в самих вещах. Такой человек восстает против мирового порядка. И тогда этот последний должен взять верх над ним. Произвол единичного существа уничтожает себя самого последствиями своих поступков. То есть: не может исполниться то, что он предписывает *своей* воле; он не может стать свободным.

Тот, кто таким образом устраивает свою внутреннюю жизнь, поднимается со ступени на ступень. Он научится понимать истины, относящиеся к сверхчувственному миру, и путем собственного опыта получит их подтверждение. Когда эта ступень достигнута, для него близится нечто, что может стать переживанием лишь на этом пути. От существ, чье значение лишь теперь может стать ему ясным, он получает так называемое посвящение. Теперь свет познания не светит ему извне, он сам переносится в источник этого света. Загадки, которые задает мир, получают в нем новое освещение. Сомнения, которые прежде еще могли возникать в нем, исчезают, ибо сомневаться может лишь тот, кого вещи еще могут вводить в обман относительно господствующего в них духа. А так как ученик может беседовать с самим духом, пред ним исчезает также всякий обманчивый облик, под которым он прежде представлял себе дух, всякое суеверие. Посвященный выше суеверия, ибо он знает, каков истинный облик духа. Свобода от личности, сомнения и суеверия — вот признаки того, кто на пути познания достиг ступени ученичества.

© Составление и перевод [Город Творцов](#) (2:463/192.21), 1979-1999

[Город Творцов](#)